

стр. ● 18 сентября 1983 года

Анализ ● Размышления

Культура и политика

РОЗЫ У РАМПЫ

ЭТОТ человек словно пропитан солнечным светом. Он профессиональный режиссер. Недавно отметил пятидесятилетие. Но, пожалуй, раньше многих поднялся на Олимп нашего театрального искусства. Сегодня Динь Куанг обещал быть на концерте, так говорил мне известный вьетнамский поэт Суан Зиеу, один из депутатов первого состава Национального собрания республики, когда мы подходили к центральному ханойскому театру.

Был вечер. На площади перед театром зажглись старинные фонари. Над ними, словно огромные опахала, шелестели кроны высоких пальм. Суан Зиеу утверждал, что эти фонари, пальмы, как и сам театр, построенный в стиле барокко, — ровесники. Они украсили центр вьетнамской столицы еще на заре нынешнего века и сейчас влекут к себе тысячи жителей города. В колониальные времена, еще в 1910 году, к театру подкатывали кареты, запряженные арабскими лошадьми, прибывали паланкины, на которых восседали вельможи. После победы Августовской революции над театром взметнулось красное знамя демократического Вьетнама. Но в 1946-м столицу захватил французский экспедиционный корпус, и театр вновь был закрыт для простого народа.

Так продолжалось долгих восемь лет. В сентябре 1954-го бывший колонизаторам было суждено прийти сюда на свой «последний вечер» — на спектакль, как говорил Суан Зиеу, «под занавес и без поднятия занавеса».

Вот как это произошло. Плантаторы, промышленники, владельцы отелей в белых костюмах с темными галстуками-бабочками, хозяева угольных копей и заводов, светские дамы в лучших нарядах с веерами из слоновой кости в руках... Всем своим видом они хотели показать, что, мол, их позиции незыблемы, никакая сила не выбросит их из Вьетнама, столица Ханой — под их властью. И вдруг... полная неожиданность! Рабочие сцены выключили свет в театре. Откуда-то сверху разбросаны тысячи листовок. Неизвестный музыкант заиграл «Интернационал». В зале поднялся переполох. А площадь перед театром внезапно озарилась электрическим светом. Проектор перебрал луч на красное знамя с золотой звездой — знамя демократического Вьетнама, первого рабоче-крестьянского государства в Индокитае.

Отыгран спектакль для «бывших»... Занималось новое утро. В столицу вступили части вьетнамской Народной армии. Театральная площадь вновь была залита светом, светом свободы. Народ стал навсегда хозяином своей столицы. И новый зритель пришел в Большой ханойский театр.

А сейчас мы поднимались по тем же каменным театральным ступенькам. Предъявили пригласительные билеты. Миновали те же старые двери. В вестибюле уже собрались десятки людей.

— Но где же Динь Куанг? — спросил я Суан Зиеу.

— Пройдем в антракте за кулисы. Вернее всего он там.

В зале погасли огни. И прежде чем заиграл оркестр, воцарилась такая тишина, словно замерли все находящиеся здесь люди. Было слышно лишь, как поскрипывают лопастями огромные вентиляторы, разгоняя над куполом жаркие слои тропического воздуха.

Программа концерта была составлена так, чтобы представить зрителям все основные виды вьетнамского сценического искусства. Прослушаны отрывки из спектаклей классического театра «туонг». Их сменили сцены из пьес современного «разговорного» театра — «кити ной», старинные северо-вьетнамские напевы, используемые в театре «тео», песни из пьес театра Юга «кайлюонг». За выступлениями артистов ханойского балета прозвучала ария из оперы «Овод».

МЫ ЗА КУЛИСАМИ. Чем заняты мысли режиссера? Каково его мнение о концерте?

— Вы знаете, как трудно восстанавливать разрушенные города, — неожиданно для меня сказал Куанг. — Но поверьте, не легче воссоздать и развивать искусство. Ведь оно обладает столь нежными, хрупкими, порой неосознаваемыми струнами. И никогда не следует забывать, что в театр приходит все более требовательный зритель. Он связан с актером умом и сердцем. Зрителю надо уметь передать психологический и эмоциональный заряд режиссерской и актерской мудрости, мысли. Зритель должен получить не только удовлетворение от увиденного на сцене, но и вывести определенный моральный напор, так сказать, «пищу для размышлений». Вы скажете, я максималист? Наверное, да!

Мы простились с режиссером, миновали заветные двери, вышли на ночную театральную площадь. Гасли огни старинных фонарей. И только по-прежнему

покачивали своими шапками старые пальмы. На велосипедах разъезжались по домам актеры. Девушки с букетами цветов, ловко оседлав «седапы» (так называют во Вьетнаме велосипед), уносились в глубину улиц, и лишь ветерок ласково развеивал их красивые длинные волосы...

НАУТРО я вновь был в театре. Среди рядов в зрительном зале вышаживал Динь Куанг. Невысокий, худой, в серой рубашке навыпуск, в зеленых солдатских брюках. В руках текст «Кремлевских курантов». Он читал, и я видел, как слушали его находившиеся на сцене и в зале актеры. Затем он внезапно остановился, резко повернулся и сказал:

— Сумейте проникнуться духом времени. Это же революция, величайшая из революций! Ее первые труднейшие годы. Так помогите зрителю почувствовать их. Больше силы, эмоциональной выразительности, воли, энергии! Это же революция!

Так говорил своим ученикам Динь Куанг — режиссер, создатель, новатор вьетнамского театра. Заметив меня, он аккуратно сложил опечатанный на машинке текст пьесы.

— Из поколения в поколение, как лилия к водной поверхности, тлнут люди Вьетнама к искусству. И вьетнамского зрителя я бы назвал зрителем-энтузиастом. Он рад каждому представлению. Для него каждый концерт, спектакль — это и отдых, и развлечение, и общение с внешним, часто неизвестным ему миром. И зритель готов пройти пешком, проехать на велосипеде многие километры, чтобы посмотреть представление. И мы в большом долгу перед зрителем. Мы — это режиссеры, драматурги, актеры, композиторы. Мы обязаны учитывать и учитывать особенности, условия жизни нашего народа, его культурные потребности. Но наши возможности, к сожалению, ограничены прежде всего техническими средствами. Во многих местах актеры играют под открытым небом, в необорудованных или недостаточно подготовленных помещениях. И это, несомненно, накладывает свой отпечаток и на исполнительское мастерство артистов, и на режиссуру спектакля.

— Сердце театра бьется вместе с жизнью страны! — Динь Куанг дважды повторил эту фразу. И не случайно. Эта фраза стала своеобразным девизом всей деятельности работников вьетнамского сценического искусства.

— После победы и освобождения Юга, — продолжал режиссер, — мы уделили ему особое внимание. Там, на Юге, приходилось проводить большую политическую, воспитательную и культурно-просветительную работу. Мы знали, что наши идеологические противники, скрытые контрреволюционные силы будут складывать гнилые зерна в сердца и умы интеллигенции Юга, будут стремиться проникнуть и в актерскую среду, чтобы, используя нестойких людей, наносить удары народной власти. Так, в городе Хошимин была убита известная актриса Тхань Нга. Она возвращалась тогда со спектакля... Враги надеялись нас запугать. Не вышло. В ответ на этот террористический акт поступили сотни заявлений от молодых актеров о вступлении в комсомол.

— Замечу, — продолжал Динь Куанг, — примерно 85 процентов южновьетнамских актеров не покинули берегов родины вместе с американскими марионетками. Что же касалось покинувших страну актеров, то большинство из них в эмиграции ожидала творческая и моральная гибель. У нас говорят: опустошенные души, как и брошенные людьми дома, быстро ветшают.

— В противовес этим «обветшавшим душам», — продолжал Динь Куанг, — многие актеры полностью связали свою судьбу с судьбой родины, революции. Среди них — старейшая знаменитая актриса Фунг Ха, режиссер Ле Зан, композитор Фам Чонг Кау и другие.

— Эти деятели искусств Юга, как и их коллеги, — отметил Динь Куанг, — вкладывают свой талант, энергию, труд во имя того, чтобы «поезд вьетнамского театра уверенно шел по дороге «Единства». Особенно важно, что большинство молодых актеров, которых вы видели в театре, — выпускники Ханойской театральной школы, работающей по системе Станиславского. Подобная же школа открыта в городе Хошимине, и ее отделение — в Хюэ.

Динь Куанг говорил, а мне вспоминалась постановка Ханойским драматическим театром симоновской пьесы «Русские люди». Сотни людей пришли на спектакль с чудесными букетами цветов. Но не изумительной красоты алые и белые розы, а огромный кропотливый труд и талант приносят успех режиссеру Динь Куангу и его единомышленникам-энтузиастам.

М. ИЛЬИНСКИЙ,
спец. корр. «Известий».
ХАНОЙ—МОСКВА.